

«Рассказы из фронтовой жизни»

К.Иванов

Именно так называется книга, страницы которой – это страницы писем, которые мой прапрадед Иванов Константин Иванович писал своим детям, моему прадедушке Севе и моей прабабушке Гале, с фронта. В 1943 году он погиб под Смоленском. Поэтому и книга небольшая. К сожалению, про прапрадеда Константина я знаю очень мало. Так сложилась жизнь, что рассказывать было некому. Но, перечитывая страницы этой книги, я всегда представляю все события, которые происходили в то страшное, ужасное время. Слезы наворачиваются на глаза и больше 1 письма я прочитать не могу. Тяжело и грустно.... Мне бы хотелось, чтобы эти письма прочли и другие люди, ведь это не авторская книга, а обычные письма, собранные моей прапрабабушкой Верой Ивановной в годы войны, напечатанные на простой печатной машинке, а каждая страница книги разлинована вручную. Сколько труда, боли и ужаса в строках этой книги... Это память моей семьи. Я горжусь. Я помню.

Терентьев Андрей,

Ученик 2А класса гимназии №37

К. Иванов

РАССКАЗЫ

ИЗ ФРОНТОВОЙ
ЖИЗНИ

ПОЧКЕ ТАЛЕ И
СЫНУ СЕВЕ

РАССКАЗЫ О ТОМ, ЧТО С ПАПКОЙ НА
ФРОНТЕ БЫЛО.

1. "СЛУЧАЙ НОЧЬЮ."

Был конец августа месяца. Одинадцать часов в 12 ночи меня разбудил начальник и передал поручение и пакет с документами, для передачи на командный пункт полка.

Ночь была очень темная. Выпала роса. Над рекой, которая протекала недалеко, стоял туман. Было очень свежо. Прогулка в три километра не представляла ничего приятного. Но, - служба, долг, приказание - требовали выполнения и я быстро собрался в путь.

Дорога к командному пункту проходила сперва по ржаному полю, потом через глубокую долину /овраг/, поросшую лесом и кустарником, потом лугом до сожженной до тла деревни. Вот эта самая долина, которая бойцами называлась "долиной смерти" была самым трудным и неприятным участком дороги, так как в ней творился полнейший хаос.

Дело в том, что эту долину немцы бомбили и обстреливали ежедневно, а до занятия этого района нами, - сюда били и мы и она была изрыта воронками, деревья поломаны, все перепуталось, как после бурелома.

В этой-то долине и произошел со мной случай, о котором я хочу Вам, ребята, рассказать.

Я уже возвращался обратно. Было около 2-х часов ночи. Темно. Где-то высоко гудел мотор немецкого самолета. Я только подошел к долине и начал спускаться вниз, как с самолета сбросили "лампадку" /осветительная ракета на парашюте, горит очень ярко и долго/ и ветром ее несло в мою сторону. Мне бы следовало залечь и обожгаться когда ракета погаснет или выстрелить в нее, оторвать от парашюта, - но я продолжал спуск в долину.

Только я спустился до низа, пробирался между кустарником и воронками, как слышу свист летящих бомб. Чувствую, что они где-то близко надо мной.

Я упал на землю, прижался к ней, ухватив, инстинктивно, руками за кустарник. Следующий миг показал, что бомбы именно предназначались мне. Очевидно, ракета осветила меня на спуске, моя каска дала отблеск, а летчику фашистскому почудилось, что идет здесь не один, а рота бойцов и он швырнул бомбы.

Не успел я лечь, как грохнули два разрыва, один сбоку, метрах в 10-15, другой сзади. Я увидел как сбоку от меня развернуло землю, дым и искры, меня обдало и качнуло горячим воздухом. Затем поднялся столб земли, обломки дерева вверх полетели через меня, с воем и визгом летели осколки, затем, поднятая взрывом земля, начала падать вниз и барабанить

по моей каске, спине и ногам.

Осколки падали совсем близко от меня. Что-то больно ударило по ноге. Все это продолжалось короткий миг, быть может доли секунды, но я все это видел и воспринимал глазом, все равно как смотрел кино замедленной съемки / Вы, наверное, видели такое кино. Часто это делается, когда показываются спортивные упражнения, прыжки и т.д. /

Когда все улеглось и я несколько пришел в себя, встал, стряхнул с себя землю и пошел. В голове и в ушах шумело, звенело. Мысль не работала. Я просто отупел.

В результате этого я сбился с дороги. Очнулся и пришел в себя, т.е. стал соображать, уже далеко от

того места, из долины я вышел в поле и попал в болото. Место было совсем незнакомое.

Начинало светать. Впереди меня взлетали, время от времени, ракеты, справа тоже, значит, там передовая-фронт. / Так можно и к немцу притти/.

Я повернул обратно и пошел на полоску тумана, решил, что там река. Так и оказалось, вышел к реке. На другом берегу реки увидел разбитую церковь и узнал, что вышел к переправе, километрах в четырех от нашего расположения. Ну, тут уже было просто. Берегом я пошел к своей части и пришел когда было совсем светло.

Все заметили, что я бледен /голова потом болела весь день и слышал

неважно / и я рассказал как попал под "немецкий востинец".

ИВАНОВ К.И.

4.I-43 г.

2. "МЫШКА."

Наша батарея занимала позицию посреди ржаного поля. Был конец августа, рожь уже не только созрела, а перезрела и была вся помята, повалена. Здесь был фронт. Жителей кругом не было и убирать рожь тоже было некому.

Мы вырыли себе, в некотором отдалении от орудий, окопчики, перекрыли их бревнами и засыпали землей. Сверху оставалось отверстие для залезания в окоп. На дно окопа я положил ржи / чтобы мягче было спать/, т.е. соломы с колосом, в котором было вполне готовое зерно.

В таком окопчике я прожил не больше одного дня и у меня уже появился квартирант, видимо, ночью спрыгнул или

случайно упал - молодой хомячек.

Это полевая зверушка, похожа на мышь, только уши у нее маленькие, прижатые / не торчат как у мышки/ и цвет шерсти рыжевато-золотистый.

Интересно было наблюдать за ним, хотя он мне частенько и надоедал, не давал спать. Прожорлив он был до невозможности, и день и ночь он все время ползал под соломой / под мной / и откидывал добытые зерна в уголке. Иногда он вылезал из под соломы, пробовал вылезти из окопа, но это ему не удавалось, окоп был, мною вырыт, глубокий / до плеч/.

Когда он стриг все колоски снизу,

подо мной, то часто стал вылезать на верх соломы и последнее время уже не боялся меня. Встанет на задние лапки, передними прижмет стоящий колосок и отрезает его, а затем утащит в свой тайник.

Так мы жили дней пять. И вот однажды налетели немецкие самолеты и началась бомбежка / на краю поля в кустах шоферы поставили автомашину и не замаскировали их и тем послужили приманкой самолетам/. Несколько бомб упало вблизи нашей батареи, и в частности, одна бомба упала в 5 метрах от моего окопа. Меня тряхнуло в окопе, посыпалась земля от сотрясения, стало пыльно, как туман. Я лежал оглохший, как говорят - ни жив, ни мертв. Что-

то тяжелое шлепнулось сверху, потом еще и слегка пискнуло.

Когда пыль улеглась, я увидел рядом с моей ногой большой осколок бомбы, взял его в руку и сейчас же выбросил - он был еще горячий. Стал осматривать окоп и увидел, что у стенки прижался мой квартирант и в него попал второй осколок.

Мышка была мертва.

ИВАНОВ К.И.

" НА ПЕРЕПРАВЕ."

Я шел с поручением с передовой в штаб дивизии, в тыл. На пути протекала речка. Для переправы через нее был сделан небольшой плот, на этом и другом берегу вбиты колья и плот к этим кольям был привязан веревкой.

Один из берегов, как часто бывает у рек, был очень высокий и скалистый, известковый. Я как раз переправлялся с низкого берега на высокий. Уже плот подходил к берегу, как вдруг немцу вздумалось открыть стрельбу. Мины с визгом летели через меня.

Не успел я вступить на берег как близко от меня упала мина, ударившись

в берег, в скалу. Я моментально упал плашмя на землю. Меня сильно ударило по ноге, по самой косточке / лодыжка/. В глазах пошли черные круги от боли, я зажмурил глаза.

Когда я открыл глаза, то бросил взгляд, прежде всего, на ногу. В мозгу была мысль, я думал так, что нога пропала. Но, нога была цела, крови не было, лишь на ботинке я заметил ссадину и недалеко от ноги валялся осколок мины и несколько осколков отколотого от берега камня / известняка/.

Что ударило меня по ноге, то-ли осколок потерявший силу, то-ли отбитый взрывом мины - камень, я не знаю. Но, ударило очень сильно, я еле пошел

до места. Нога опухла.

Все же я выполнил поручение.

Хромал я дней пять и сейчас вспоминаю, как приятно обошлось, могло быть хуже.

ИВАНОВ К. И.

В ПОИСКАХ "Б.П." (Командный пункт)

Темная сентябрьская ночь. Воздух сырой и прохладный. Мы ищем четверо полев, без дороги, с трудом различая впереди попадающиеся предметы.

Я - проводник, веду двух лейтенантов и бойца на "Б.П.", на котором был вчера только с ночью. Прошел только день, но день ожесточенного обстрела и бомбежки сделал местность неузнаваемой. На каждом шагу, в потьмах, мы наткнулись на груду развороченной земли, на необработанные еще трупы немцев и наших, падали в воронки и т.д. Шли и ругали эту, исключительно, темную ночь.

Я вел на память, можно сказать, вслепую, так как на этом поле не было

никакого ориентира, ни дерева, ни кустиков, ни дороги. На конце этого поля должны были стоять два подбитых и обгоревших танка, к ним мы должны были выйти, от них спуск в лощину, к речке.

Впереди метрах в 500-600 сидит немец, несколько ближе должны быть наши траншеи. Брицы время от времени пускают осветительные ракеты / боятся, стерегут! / и пускают очереди из автоматов, иногда трассирующими /светящимися/ пулями, так что приходилось залегать, чтобы не царапнула "пальная" пуля.

Наконец, вдали несколько вправо мы заметили что-то большое, темное и свернули туда, - это были, как раз, подбитые танки. От них мы спус-

тились в лощину / они как раз стояли на краю спуска /, перешли мы в брод речушку, она не широкая, всего два-три шага, но глубиной по колено, и поднялись по тропке опять вверх, выйдя в когда-то существовавшую деревню, а сейчас это были одни развалины домов и разбитых блиндажей немцев, груды кирпича и пепла от пожара, остатки кое-где забора, затоптанные огорода с одинокими, уцелевшими качавами капусты. Трупы убитых немцев здесь были на каждом шагу. Прошло еще только два дня как эта деревня отбита от немцев и здесь был жаркий бой. Всюду валяются разные домашние поломанные вещи, посуда и белье.

Войдя в деревню стали искать блиндаж, в котором должен помещаться "КП", он должен был быть на краю обрыва, рядом несколько разбитых немецких блиндажей и остатки сада. Все приметн места я знал хорошо. Привел, казалось-бы, к месту, но ... места не узнавал.

Видно, что здесь была бомбежка и поработала немецкая артиллерия. Все кругом, в том числе и блиндажи были разворочены сильнее, чем это я видел прошлую ночь. Деревья сада также частью поломаны, вся земля и остатки огородов зарыты воронками разной величины.

Блиндажа КП я никак не мог найти-подойтишь к одному на краю обрыва, кажется он..., но, блиндаж разбит

сверху торчат бревна, сбоку лежат остатки убитого немца, остатки домашнего скарба, разного тряпья и бумаги, этого вчера не было, значит, не этот блиндаж. Кроме того, должен бы быть часовой, а никого нет.

И вот мои спутники решили, что я забыл место, заблудился и мы стали ползать по всей деревне, искать КП наудачу. В нескольких местах по ту сторону деревни мы встречали залегших в окопчики бойцов, но они нам ничего не могли сказать, они не знали КП, но они нам рассказали, что днем здесь была сильная бомбежка.

проползав тщетно часа два по деревне, мы вернулись опять к тому

места, где я указывал нахождение КП.

Один из лейтенантов предложил прекратить поиски, лечь и вздремнуть до рассвета, а потом искать. Так и сделали. Заползли в какой-то разбитый блиндаж, кое-как с трудом устроились прилечь и заснули.

Я один не мог заснуть. Все думал и вертел свою память - где же блиндаж КП. Неудача меня убивала, было стыдно и обидно.

Туть только рассветало я выполз на волю и огляделся. Как не сильно немец бомбил и обстреливал это место, все же я узнавал места. Узнал и блиндаж КП, хотя он оказался сверху действительно побитым / потому ночью и не узнали/. От меня он был всего метрах в 10-12, то-есть, рядом. Я бро-

сился к нему, но сейчас же при входе мне путь преградила часовая.

Сказав пропуск, я вызвал дежурного и узнал, что действительно КП здесь. Я доложил о прибытии лейтенантов и рассказал как мы плутили ночью и в конце концов заочереди не нашли КП, хотя были рядом с ним.

Дежурный посмеялся, но и утешил меня, сказав что "мы не нашли КП ночью исключительно потому, что не было часовой - все срязные были в расходе, а нужно было срочно перелать что-то на линию и поэтому на время часовой был снят с поста и отослан."

Наружу поэтому никого не было, только внутри, мы же нашли блиндаж

разрушенным не догадались заглянуть
во внутрь.

Я быстро сбегал за своими спут-
никами.

Так закончились поиски. Хорошо,
что яма была нужна на утро и мы,
следовательно, не опоздали.

Гот как можно заблудиться, ре-
бятки, даже зная место.-

ИВАНОВ К.И.

"ДВЕНАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ".

То, о чем я хочу Вам, ребятаки,
рассказать произошло 12-го сентября
1942 года, в районе близком к горо-
ду Ржеву.

Я находился на командном пункте
полка вместе со своим начальником.

Мне дали поручение передать
устный приказ командира полка коман-
дире батареи о перемене огневой по-
зиции.

В это утро немец что-то нервни-
чал и вел бешеный обстрел нашего
района из минометов. Итти нужно было
до батареи километра полтора и я
дошел / вернее добежал / сравнительно
быстро, хотя приходилось локиться

почти на каждом шагу. Мины рвались прямо по пятам. Не успею я отбежать с места, где леж, как близко падает мина. Пожились опять и так далее.

В общем, пошел благополучно. Передал приказ и комбат с комиссаром и командиром огневого взвода пошли вместе со мной на КП / командный пункт полка /, чтобы договориться о месте для огневой позиции.

Выяснив нужные вопросы, они пошли выбирать позицию и взяли меня с собой, чтобы я мог доложить начарту и командиру полка о месте где будет новая ОП / огневая позиция /.

ОП выбрали в долине, около сожженной деревни, а недалеко наверху

стояла батарея противотанковых пушек и мы зашли на эту батарею - повидаться со знакомыми и поболтать.

Не успели мы поговорить как следует, как дали команду - "воздух", это значит летят самолеты. И действительно я насчитал 29 немецких "стервятников".

На склоне долины были нарты окопчики для укрытия и мы быстро спустились туда. Комбат с комиссаром заскочили в один окопчик, командир огневого взвода в другой, рядом, где помещались комиссар и командир противотанковой батареи, а я залез в третий окопчик рядом, где лежал какой-то боец.

Было тесно, лежали вплотную, боком, сверху открыто и было видно

но как "стервятники" запер сиреной
пошли вниз "в пики".

Как жутко переживать этот мо-
мент, когда над тобой начинают пи-
кировать самолеты / не один, а мас-
са/, да еще вост и хрюкают как
свиньи / когда выходят из "пики"/.

Эскадра при залете разделилась
часть зашла несколько дальше, на-
чал бомбежку в следующей долине,
где помещалось КП полка / команд-
ный пункт/, а часть начала бом-
бежку по нашей долине.

Первые два самолета сбросили
свой груз настолько быстро и стре-
мительно, что мы только, только
успели устроиться в окопчике. С
каждого самолета сорвалось по 3-4

бомбы и они со свистом полетели
вниз веером. Раздалась взрывы, зем-
ля затряслась, облака дыма, свист
осколков, фонтаны земли.

Стало темно. Вся долину заволоч-
ло дымом, хотя был еще полдень и
был яркий солнечный день.

Нас в окопчике стало засыпать
землей как из мешка, хотя бомбы
упали посредине долины и на про-
тивоположный склон.

Комбат выскочил из окопа и
закричал -

- Отсюда надо бежать, иначе
хана!. И побежал через долину к
выходу из нее на луг.

Комиссар и командир огнерого
вызота бросились за ним. Я выско-
чил тоже, но побежал до конца ло-

щины увидел, что еще два "стервятника" пикируют сюда же и поэтому бросился в первый попавшийся свободный окопчик, как раз на выходе из лощины.

Окопчик был другой формы, а именно, рыт в склон, а не выкопан сверху, получалось, что он открыт не кверху, а в бок, что в данном случае было очень удобно, могло засыпаться землей, но вероятность попадания осколков меньшая. Окопчик по длине и высоте был так мал, что я мог лежать в нем только согнувшись, голова даже полностью не помещалась и вся раса была наружи.

Только я влез как раз напротив, на другой стороне лощины шлепнулось две бомбы, здесь только что пробе-

жали комбат с комиссаром.

Опыт грохот, треск, тряска и облако черного дыма. Злетом еще взрывы. Самолет за самолетом пикировали над ложиной, бомбы сыпались как горох.

Вдруг я услышал взрыв громадной силы. Это упало несколько бомб у подножья склона и как раз, как потом я увидел, около тех окопов где мы сидели несколько секунд тому назад. Все лощину затянуло тумом, лишь кое-где просвечивал кусочек ясного солнечного неба. Грохот, шум падающей земли, свист осколков, вой и хрюканье самолетов и стоны людей смешалось в один общий хаос.

Земля по склону сверху сыпалась через меня и скапливалась на краю окопчика. Образовался талик. Потолок окопчика от сотрясения осыпался местами. Но это был пустяк. Я был, встаетки, более или менее спокоен.

Как только кончился залет, прекратилась бомбежка и рассеялся дым, потянулись раненные и контуженные. Я увидел, как прошел качаясь раненный в плечо боец, с которым я лежал в окопчике несколько минут тому назад. Промел комиссар противотанковой батареи, который не послушал совета комбата и остался в окопе, он также был ранен и контужен. Промло еще несколько бойцов раненных в этой жуткой бомбежке.

Да, если бы я не выскочил из того окопа, то тоже, наверное, шел бы раненым, а может быть и лежал бы мертвецом.

Когда прояснилось, я огляделся, осмотрел местность и на узнавал ее, всюду зияли воронки. Я искал глазами своего комбата боясь, что они попали под бомбу, не успев убежать из подины, но их не было видно.

Так прошло несколько минут и опять тревога. Стерведы делали еще заход.

На этот раз в нашу подину упало несколько бомб, остальные самолеты прошли дальше. Можно было быть уже зрителем.

Вскоре я вылез из своей норы. Болела голова, звенело в ушах от грохота и воя, ломило все суставы, занемели от продолжительного и неудобного лежания в окопе.

Я пошел искать комбата, но пройдя через всю сожженную деревню, их не нашел. Зашел на НП, а там осыпался один блиндаж от сотрясения, в нем засыпало несколько человек и в том числе моего начарта.

Помог отряпать. Все оказались живы.

Немного погодя пришел и комбат со своими спутниками.

Оказалось, что они успели заскочить в яму крытую сверху легким

настилом. Варив последовавший следом, который я видел из своей норы, обвалил этот легкий блиндаж и их всех засыпало и они уже сами себя отряпали и выбрались с трудом на свет.

Так счастливым для нас прошла эта жуткая бомбежка. Дерган, правда, пошалили. Не в себе были весь день, но как и многое, это на другой день уже выглядело как приключение и мы повторили друг другу рассказ о себе и беззаботно смеялись.

Таков фронт.

ИВАНОВ Е.И.